

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ПЕВЦ БОЕВЫХ КОЗЕЛНИЦ

повести

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

16+

Книжная полка Вадима Левенталя

Александр Проханов

Певец боевых колесниц (сборник)

ИД «Флюид ФриФлай»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Проханов А. А.

Певец боевых колесниц (сборник) / А. А. Проханов — ИД
«Флюид ФриФлай», 2019 — (Книжная полка Вадима Левенталья)

ISBN 978-5-906827-05-0

В первой из представленных в книге повестей, «Певец боевых колесниц», описывается путешествие генерала Белосельцева по Царствию Небесному и его устройство. Во второй, «Священной роще», речь идет о заговоре против России группы магов-дендрологов. Две новые повести Александра Проханова написаны в духе пушкинской прекрасной ясности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906827-05-0

© Проханов А. А., 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

Содержание

Певец боевых колесниц	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Глава восьмая	27
Глава девятая	30
Глава десятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Проханов

Певец боевых колесниц

© А. Проханов, 2019

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© П. Лосев, оформление, 2019

Певец боевых колесниц

Глава первая

Генерал внешней разведки Виктор Андреевич Белосельцев находился в отставке, столь давней и глубокой, что позолота с его генеральского висящего в шкафу мундира осыпалась, а из боевых орденов ушло солнце. Они потускнели, как церковные купола, обклеванные птицами и источенные ветром.

Когда он смотрел в зеркало, его отражение начинало туманиться. Зеркало наполнялось дымом. В этом дыму тонуло его сухое, серое лицо, седая короткая стрижка, тревожные, с выцветшей синевой глаза. От бесцветных узких губ спускались длинные желоба морщин, идущих от носа к подбородку. По этим темным руслам из лица утекла бывшая сила и свежесть, острая чуткость и предвкушение открытия, которому предшествовало терпеливое наблюдение, долгое обдумывание, пристальное созерцание. Это открытие, под стать прозрению, позволяло ему создавать оригинальную картину войны, в которой он принимал участие. Картину, совмещавшую кропотливую аналитику и поэтический образ. За это его ценило руководство, до конца не понимавшее методику, позволявшую Белосельцеву безошибочно делать прогнозы и писать сценарии.

Теперь прежнее лицо скрылось в дыму, наполнявшем зеркало. Это был дым Герата, по которому стреляли «ураганы», и над городом поднимались клубящиеся великаны, похожие на черных джиннов. Это был дым Коринто, когда горели цистерны с топливом, подожженные диверсантами, и никарагуанские солдаты, тушившие пожар, катались по земле, сбивая с одежды пламя. То был дым горящих хижин в мозамбикской деревне, мимо которой по Лимпопо проплывал его катер, и вороненый ствол пулемета отражал оранжевое зарево. Это был дым ангольских лесов, из которых убегали слоны, антилопы и огромные рогатые жуки, шуршавшие у подножия деревьев. Это был дым горящего Дома Советов в Москве, по которому с моста стреляли танки, он лежал на затоптанном ковре, и ему на спину сыпались осколки стекла.

От всех войн, от разведывательных донесений, от вербовок, предательств и прозрений остался дым. И он, Белосельцев, разведчик, потерявший страну, которой служил, утративший связь с Центром, который посылал его на задания, все больше склонялся к мысли, что Центр, перед которым он должен отчитаться за проделанную работу, находится не на земле, а на небе. И послал его в разведку не начальник, от которого не осталось ни кабинета, ни имени, а сам Господь Бог. Что Белосельцев является разведчиком Господа Бога, который направил его в земную жизнь, дал задание исследовать ее в самые грозные, крошечные мгновения. Теперь Господь ждет его обратно, чтобы принять от него доклад. Он, Белосельцев, является разведчиком Господа Бога и несет ему несколько драгоценных крупиц информации, которые добыл в течение жизни. Погибал, терял друзей, брал ложный след, снова возвращался на дорогу, которая ведет его с земли на небо.

Там, на небе, голый и босый, стоя перед Господом, он расскажет ему о всех земных войнах и о себе, совершавшем на этих войнах подвиги и злодеяния.

Но, казалось, Господь забыл о нем, не зовет к себе, не требует отчета о кропотливых изысканиях. Не предает его смерти, не лишает плоти, чтобы на Страшном суде спросить с него по всей строгости небесных законов. Белосельцев чувствовал, что зажился, что в жизни его исчез всякий смысл и окружавшее его бытие только множит бесплодное прозябание.

Его фантазии хранили в своей глубине сюжеты русских народных сказок и библейских преданий, которыми в детстве сопровождалась бабушкины назидания. Эти фантазии убеждали его, что он может избежать смерти, как избежали ее Енох и Илья Пророк. Белосельцев будет

взят на небо живым, во плоти, и таким живым во плоти предстанет перед Господом, напомним о себе. Поведает о своих сокровенных открытиях. Об афганской войне, африканском походе, о комариных джунглях Кампучии и ядовитой сельве в Никарагуа. Расскажет о жутких московских днях, когда вместе с памятниками валили страну. О горящем Доме Советов, из которого выбирался по зловонным туннелям. Он не умрет, а вытянет вверх заостренные руки, как их вытягивает ныряльщик. Утончится, станет тонким и легким, обтекаемым, как капля. Оттолкнется от земли и нырнет в небо, капнет с земли на небо. Пронесется, как луч света, сквозь миры и очутится среди райского сада с цветущими яблонями, и бородатые праведники в белых одеждах отведут его к Господу. Как Илья Пророк промчался на своей колеснице, гремя и сверкая, так и он, военный разведчик, знаток и участник войн, певец боевых колесниц, промчится по небу.

Он знал, что в небесах его ждут. Оттуда уже послан приказ возвращаться. Когда он смотрел в вершины берез, где начинала пламенеть лазурь, ему чудился купол Святой Софии, в котором среди золотых мозаик, грозный, с пылающими очами, взирает Пантократор, зовет к себе. Оттолкнувшись от земли, сквозь вершины берез, он упадет в волшебный колодец, из которого смотрит грозное золотое лицо.

Он был вдовец. Дочь и сын со своими семьями жили в других городах и редко награждали его своим вниманием. Он жил в одиноком загородном доме на покое.

Сейчас Белосельцев спустился в сад и наслаждался теплым утром, свежей зеленью берез, сквозь которые трепетало солнце. Великолепная сосна с пышными, до земли, ветвями красовалась среди других деревьев. Молодые побеги, как зажженные свечи, тянулись вверх из каждой ветки. Сосна напоминала огромный подсвечник, окруженный сиянием.

Белосельцев любовался сосной, чувствуя ее неземное происхождение. Ее прислало на землю небо, и она стремилась обратно, туда, где ее вырастил небесный садовник. Сосна хотела, чтобы Белосельцев забыл о своей жестокой земной судьбе и обратил свои помыслы к небу. Он подумал, что здесь, у сосны, он может поднять руки, стать легким и невесомым, подобно лучу, и взлететь на небо. Отсюда идет коридор, по которому он достигнет небес. Отсюда, а не там, в афганских горах, среди горящих танков, где прорыт коридор в преисподнюю.

Белосельцев поклонился сосне, а та благословила его троеперстием зеленых побегов. Он поднял руки, вытянулся, превращаясь в стрелу, и взлетел. Скользнул сквозь березу, спугнув синекрылую сойку, обогнал в вышине сверкнувшего серебром голубя и оказался на небе.

Глава вторая

Он был сокрушен. Его окружала черная полярная непроглядность. Льды бескрайние, тяжело освещенные мертвенным светом, казались залежами антрацита, в котором редко мерцали злые кристаллы. Высоко надо льдами, в багровом тумане, светила звезда. Она не имела лучей, как больничный фонарь, и казалась кровавым тампоном. Белосельцев ощутил невыносимую тоску и смятение. Теперь он навеки помещен в это багровое облако, источавшее болезнь и смерть.

Это была Арктика, окраина России, за которой кончалось русское время и прерывалась русская история.

В разных местах льды с треском лопались, и всплывали американские подводные лодки, похожие на продолговатые черные яйца. Было видно, как у бортов перевертываются льдины, издавая стуки и хрусты. Под звездой пролетел одинокий бомбардировщик, оставляя кровавый негаснущий след.

Белосельцев замерзал. Холод бесчисленными струйками вливался в него. Превращал кровавую частицу в крохотную красную льдинку. Уши переставали слышать. Ушные отверстия и ноздри наполнялись колким льдом. Глаза останавливались, переставали видеть, становились тяжелыми шарами льда. Мозг отказывался думать, превращался в глыбу льда, какая намерзает в водостоке. Грудная клетка с ледяными пластинами легких и булыжником сердца причиняла при дыхании невыносимую боль. Он превращался в ледяное изваяние, вмерзал в лед, и багровая, лишенная лучей звезда недвижно светила в мертвой глазнице.

Однако последней предсмертной мыслью, струйкой тепла, присланной с земли цветущей сосной, он вспомнил, как на коже пергамента, среди старообрядческих хроник, прочитал замысловатую надпись, сделанную безвестным иноком Зосимой. В этой надписи говорилось, что там, где кончается Россия, сразу же начинается Царствие Небесное. И это исчезающее воспоминание о старательно, с крюками и буквицами исполненной на пергаменте надписи растопило в голове кровавую струйку, и глаз с багровым фонарем звезды оттаял.

Белосельцев заметил, что полоска льда растаяла. Плескалась вода темного синеватого цвета, отражая теплое ночное небо. Этот летний плеск вызвал у Белосельцева облегчение, словно он проснулся среди родных и знакомых звуков.

Он прошел по мелкой воде, нащупывая голой стопой мягкое дно, и вышел на берег. Под ногами была трава, жесткая, какой обычно зарастают склоны оврагов. И по мере того, как светало, Белосельцев увидел себя на низком берегу, по которому проходил проселок с тележными колеями. Непрочная изгородь вдоль обочины отделяла от дороги выгон.

Солнце встало, потеплело, и лед, наполнявший Белосельцева, растаял, скатился теплым быстрым дождем. И по той открывшейся легкости, по блаженному облегчению Белосельцев понял, что находится в Царствии Небесном.

Он стал оглядываться осторожно и бережно, не желая спугнуть милой доверчивой тишины и покоя.

По краям Царствия Небесного стояли серафимы. Они напоминали флаконы зеленого цвета и светились в своей глубине. В них что-то мерцало, слабо вспыхивало. Лились какие-то струйки, лопались пузырьки. Накалялись какие-то нити. Перегорали. Осыпались искрами. В этом зеленом графине шел непрерывный обмен соками и переливами света. Серафимы питали Царствие Небесное таинственными силами, обеспечивая свет и тепло. От них пахло березовыми вениками.

Белосельцев прошел по проселку, который перегораживали шаткие тесовые воротца. Створки никогда не закрывались, тес был старый, кое-где из него выпали сучки.

Белосельцев заметил, как на шершавые доски ворот садятся бабочки-крапивницы. Собирают в свои красноватые крыльца солнечное тепло, согреваются и улетают легкой тенью туда, где в утреннем свете синеют леса. И вид этих бабочек умилил и растрогал его.

Стая воробьев шумно прилетела под зеленый полог величавого серафима, забила крыльшками, закувыркалась в пыли. Воробьи были красивы своими маленькими бойкими тельцами, шустрыми клювами, мерцавшими капельками глаз. Белосельцев догадался, что воробьи – это ангелы небесные, находящиеся в услужении у Господа. Как у ангелов, у них есть крылья, они мгновенно собираются в стаю, чтобы выполнить поручение Господа. Их присутствие не нарушало, а лишь усиливало обыденность Небесного Царства, законы которого не требовали уяснения, а принимались охотно на веру.

Белосельцев обвел глазами дали – и повсюду, в полях, на холмах, на озаренных вершинах, цвели одуванчики. Земля была золотой, ликующей, источала свет, питала этим светом солнце, и душа, оказавшаяся среди русских золотых цветов, счастливо вздохнула. Она добралась, наконец, домой, после всех скитаний, и можно целовать душистый цветок, оставляющий на бровях и губах золотую пыльцу.

Белосельцев уже вошел в тесовые воротца Царствия, уже сделал несколько шагов по проселку. Но никто его не окликнул, никто не спросил, зачем он сюда явился. Не было грозного золотого Пантократора, призвавшего на суд. Только веял с лугов душистый ветер, пахло розовым клевером, и пролетел коростель, потешно свесив неуклюжие ноги.

Белосельцева не тяготило одиночество. Он веровал, что законы Царствия предусматривают эти первые часы, в которые вновь прибывший избавляется от земных забот.

Белосельцев услышал отдаленный гул, словно в одно место слетелось множество шмелей, они погружают упрямые головки в мохнатый клевер, ворошат соцветие лапками и, выбрав нектар, жужжа, перелетают на соседний цветок. Гул приближался, его колыхало ветром, и скоро он превратился в пение, но не людских голосов, а текучих вод, дуновений ветра, в котором начинают петь множество едва различимых существ. Звук казался Белосельцеву гармоничным, словно рождался в тенистых глубинах его души.

Вдалеке забелело. Казалось, по проселку густо летит пух, сбивается в облако, переносимое ветром.

Белосельцев увидел, что весь проселок наполнен людьми, которые слились в единое шествие. Все они были в белых одеждах. Была во всех зыбкость и невесомость, непривязанность к земле. Он угадал, что это праведники, прибывающие в Небесное Царствие. Их было несметное множество, их производила земля. Белосельцев не спрашивал себя, что заставляет плодоносить землю, как появляются на Руси праведники, ибо так было устроено мироздание, где он обрелся и смиренно принимал законы этого мироздания.

Процессия приближалась, заполняла проселок. Воробьи тучами летели вдоль обочины, не давая праведникам свернуть с дороги. Серафимы, стоящие по углам Царствия, засияли ярче, в них прибавилось зеленого света, словно они приветствовали появление процессии, и запах парных веников усилился.

Белосельцев заметил, что шествие движется не само по себе, а у него есть предводитель. Этим предводителем была женщина, немолодая и по виду очень усталая. Она шагала по проселку, возглавляя шествие праведников, и ее покачивало из стороны в сторону. Белая процессия, вторя ей, колыхалась от одной обочины к другой. Было видно, что перемещение праведников с земли в Царствие Небесное дается нелегко, да и сами праведники, изнуренные долгим странствием, валились с ног.

Белосельцев уступил им дорогу, потеснившись к обочине, всматриваясь в их лица.

Это были мужчины и женщины, похожие друг на друга тихой прозрачностью. Их хрупкие кости просвечивали сквозь мягкую дымку. Это были в основном ленинградцы, пережившие блокаду. Но не было заметно следов мучений, скорее благодарность за наступившее забвение.

Белосельцев всмотрелся в женщину-предводителя и узнал в ней Ольгу Берггольц. Он никогда не встречался с Ольгой Берггольц, не знал, как она выглядит, не помнил ее портрет. Но это была она.

Они встретились глазами, и она устало ему улыбнулась. Она была затянута в аметистовое вечернее платье, тесное в талии. На груди красовался аметистовый бант, а на длинных сухих пальцах сиял аметистовый перстень. Белосельцева не удивил этот вечерний туалет, который мог показаться странным на жарком проселке. Так было устроено Царствие, и его законы не вызывали недоумения.

Матросы с кораблей Балтийского флота, рабочие заводов, профессора университетов, исчахшие от голода, шли крестным ходом, без икон и песнопений, как идут прихожане большого монастыря, перебрывая ручьи, путаясь в горячих травах, забредая в прохладные синие тени окрестных лесов.

По дороге их встречали, угощали прохладным клюквенным морсом, совали пирожки. Праведники подкреплялись и благодарно двигались дальше туда, где вдали были золотые одуванчики.

Ольга Берггольц подхватила на руки мальчика, у которого не было сил идти дальше.

– Вы не поможете? – попросила она Белосельцева.

Тот принял от нее мальчика, некоторое время нес, чувствуя, как пахнет от него молоком. Опустил на землю, и мальчик бросился догонять синеглазую женщину в белой косынке.

Солнце пекло ровно и слепо, глаза наполнялись едким потом. Белое облачко, не в силах заслонить солнце, превратилось в размытую радугу. Сильно пахли полыни. Луг сверкал ослепительными выюнками, полевыми горошками, розовыми свечками подорожника. Все мерцало, плескалось от бесчисленных мотыльков, бабочек, которые вдруг вознеслись и медленно парили в изнеможении. И все это вдруг остановилось и замерло.

Из-за леса встала большая синяя туча. Похолодало. Из тучи, круглой и синей, как шар, прогрехотало. Это Илья пронесся на своей боевой колеснице. И в раскаленную пыль проселка упало несколько тяжелых капель. Дуло холодом, край синей тучи наклонился, как переполненное корыто, и хлынул ливень. Все померкло, черная вода заслонила дали. Струи хлестали по плечам, головам, не давали дышать, бурлили на губах пузырями. Праведники промокли, стояли в прилипших одеждах, с наслаждением поднимая лица к туче, а их поливало, омывало, очищало, их приветствовало водами Царствие Небесное.

Белосельцев стоял в ручье, который несся по проселку. Поддерживал Ольгу Берггольц, ее аметистовое вечернее платье почернело от воды, прилипло к ногам и спине.

Дождь кончился мгновенно, оборвался, затих. По проселку плыли пузыри. Праведники счастливо убирали с лиц мокрые волосы, словно вышли из купели.

Туча ушла за лес, и в небе восхитительно, пламенно горела радуга. Славил праведников, прибывших в Небесное Царствие. Белое шествие исчезало среди золотых одуванчиков.

Проселок высыхал, по нему удалялась процессия. Теперь издалека путники казались легким пухом, который колеблется ветром. Иные превращались в белые барашки, которые медленно парили над водами, совсем как стада невинных агнцев.

Проселок высох. Только оставалась малая лужица. К ней с лугов слетелись на водопой бабочки-голубянки. Мерцали, взлетали, снова садились к воде.

Белосельцев, умиленный, благостный, испытывал блаженство. Он находился в обетованной земле, куда возвратился после долгих скитаний.

Глава третья

Еще дважды до захода солнца Белосельцев наблюдал переселение праведников с земли на небо. Один раз это было многолюдное шествие, состоящее из поэтов Серебряного века и религиозно-философских школ. Шествие возглавляла Анна Андреевна Ахматова со своим характерным носом с горбинкой, похожим на изящный молоточек с горбинкой. Она улыбалась каким-то своим потаенным мыслям. На ней были белые кружевные чулки и остроносые туфли, купленные в парижской лавке. Праведники ступали с достоинством, хотя многие были босы. Они связали обувь шнурками, повесили себе на плечо и наслаждались теплой пылью проселка, в которой тонули их босые стопы. Александр Блок нес вешалку с хорошо разглаженным костюмом, а отец Сергей Булгаков держал в руках свежий красноголовик, который нашел в мокрой траве и никак не хотел с ним расставаться.

Второй исход праведников с земли состоялся под водительством Зои Космодемьянской. Короткая стрижка над светлым лбом делала ее похожей на мальчика. За ней шли ополченцы Донбасса, но среди них иногда встречались участники Севастопольской страды, в частности адмирал Нахимов в фуражке с лакированным козырьком.

Обе процессии проследовали с некоторым интервалом и разошлись в разные стороны Царствия Небесного, на которое спускался вечер. Одуванчики закрыли свои золотые венчики, вершины холмов казались красными, и над далекими вечерними водами летели белые барашки безгрешных душ.

Белосельцев заметил на проселке оброненный георгиевский крестик и дамскую шпильку. Тут же прилетели воробьи, подхватили крестик и шпильку и унесли.

Первый день его пребывания в Царствии Небесном завершился. Белосельцев не обременял себя заботами о ночлеге. Он отыскал в лугах копешку зеленого клевера, зарылся в сладкое сено и вдыхал дивные ароматы нежно шелестящих стеблей. Вдалеке в лугах призрачно зеленели серафимы, слабо освещая окрестности. Белосельцева ничто не удивляло из того, что он встретил в Царствии. Он все принимал как должное, не требуя разъяснений. Его не занимало, почему на земле постоянно случаются войны, тлеют мятежи, разгораются революции, люди мучают и убивают друг друга. Так устроена земная Россия, и это не объясняется человеческими уложениями и законами, что в итоге этих войн и революций, людских смертей и мучений множатся праведники, как грибы после теплого дождя. Один из этих грибов, сияющий, как лампочка, нес отец Сергей Булгаков, шлепая ногами по лужам.

Ночью сквозь сон Белосельцев слышал щелканье пастушьего кнута. Над ним вдруг наклонялась темная коровья голова с черными блюдцами глаз. И в коровьих рогах текли звезды.

Белосельцев проснулся поутру и вылез из зеленой копешки. Воробей, стороживший его сон, взлетел и скрылся в полях. Все обитатели Царствия Небесного были уже на ногах и занимались делами, мало напоминавшими работу, а скорее разделились на группы по интересам, развлекая друг друга. Белосельцев решил, что это послушания, коими Господь обременял праведников.

Он отметил, что далеко не у всех на головах находились золотые нимбы и каждый нимб имел свою форму, которая, по-видимому, ничего не значила, ничем не отличала одного праведника от другого. У некоторых лоб перетягивала узкая золотая тесьма. У других волосы были покрыты золотистыми косынками. У третьих были козырьки золотого цвета, а четвертые носили на головах прозрачные золотые сосуды, в которых плавали золотые рыбки или распевали крохотные золотые птички.

По-прежнему Белосельцев был предоставлен себе самому, и никто не спрашивал, что он здесь делает.

Осторожно, чтобы не показаться навязчивым и неделикатным, он стал наблюдать за праведниками.

Он увидел длинный деревянный стол и лавки, на которых сидели синеглазые мужики в белых рубахах и хлебали из деревянных мисок похлебку. Причем похлебка была как пар, мужики черпали пар ложками, отправляли себе в бороды, где темнели рты, да похваливали. Им прислуживал граф Шереметев. Ловил черпаком пар и наполнял им опустевшие миски. Он был в фиолетовом камзоле с серебряным шитьем, в кружевном жабо, и в его парик был небрежно вплетен золотой одуванчик.

– Ваша светлость, добавки, – требовали мужики.

Граф никому не отказывал, иногда слизывая пар с черпака.

– А Парашеньки-то нету. Нету жемчужинки моей, – жалобно обратился граф к Белосельцеву, и тот впервые почувствовал, что в Царствии Небесном может обнаруживаться страдание, нарушающее общую благодать.

На солнечной стороне холмов цвели яблони. Сад был немолодой, слегка запущенный. Лепестки начинали опадать, но в цветах продолжали гудеть пчелы. То одна, то другая, отягощенная сладкой пылью, падала на круглый стол, что стоял под яблонями, с трудом стараясь взлететь.

Белосельцев увидел за столом кружок поэтов, которые золотой нитью на пальцах вышивали монограмму государя Николая Первого. Все они были златошвеи. Руководил кружком Александр Сергеевич Пушкин, терпеливо показывая товарищам, как следует класть золотой стишок. Пушкину внимали Вяземский, Жуковский, Дельвиг, Баратынский, Языков и Кюхельбекер. Воробьи выдергивали из клубочка золотую нить, подавали Пушкину, а тот, ловко орудуя иглой, вшивал ее в натянутый на пальцах белый шелк. Остальные старались повторить движения Пушкина. У всех получалось, кроме Кюхельбекера. Тот нервничал, нить ложилась нервно и иногда рвалась.

– А ты ее легонько поддень, а потом подтяни. И дай успокоиться. Шелк свое возьмет, – Пушкин любовался белым шелковым овалом, на котором переливалась буква «Н» с римской цифрой «I».

За садом стояла беседка, оплетенная плющом. В беседке склонились над столом граф Милорадович и Каховский. У обоих на головах красовались золотые сосуды, и в них, отливая на солнце, ползали маленькие бронзовые жучки. Это говорило о том, что Милорадович и Каховский часто проводили время вместе, и жучки свободно переползали из сосуда в сосуд.

Теперь два праведника были заняты тем, что обменивались коллекционными тувинскими марками, выпущенными незадолго до присоединения Тувы.

Марки были великолепны: треугольные, ромбовидные, на них изображались сцены охоты, рыбные промыслы, животные и птицы этой экзотической страны. В небесах летел серебряный дирижабль. Каховский предлагал Милорадовичу за этот дирижабль медведя, выхватывающего рыбу из потока, и двух сражающихся маралов. Милорадович отказывался, но чувствовалось, что он в конце концов уступит.

Белосельцев, наблюдая праведников, пришел к убеждению, что в Царствии Небесном есть время, есть пространство, есть материя. Но все это было заключено в световые пучки, в стеклянные миражи. Те, что возникают в жаркий полдень на асфальте шоссе. Праведники освоили эти стеклянные вспышки, использовали их для своих забав. Догоняли миражи, вскакивали внутрь, разгонялись, скользили, сталкивались, превращались в стеклянные отражения, исчезали, чтобы возникнуть в другом месте.

Белосельцев, размышляя об устройстве Царствия, предположил, что над этим Царствием существует Надцарствие, но дальнейшим размышлениям не стал предаваться.

Он увидел живую гряду цветов, которые обычно растут в деревенских палисадниках. Здесь были золотые шары, розовые и фиолетовые флоксы и крупные сочные мальвы. Под наве-

сом стоял стол и два стула. Весь навес был облеплен глиняными ласточкиными гнездами, из которых торчали молчаливые птичьи головки с белыми воротничками. Ласточки высиживали птенцов, и было слышно, как те созревают в яйцах.

Под навесом напротив друг друга сидели архиепископ Верейский Илларион Троицкий и Владимир Ильич Ленин.

– Новомученики, Владимир Ильич, хотели бы написать ваш образ и поставить его в соборе Сретенского монастыря, – произнес Илларион. – Ибо никто не сделал столько для умножения на Руси священномучеников, как вы. Я распорядился подготовить доску для образа и испытать нескольких иконописцев. Вы не станете возражать?

Ленин молчал. Затем край его жилетки на плече стал подниматься, и показалось стрекозиное крыло. Оно было серебристое, сетчатое. Ленин осторожно двигал плечом, и крыло все больше выступало наружу. Оно удлинялось, увеличивалось, тянулось вдаль за палисадник, за далекий овин, за скирды хлеба. К дальним лесам. Оно отливало на солнце, как слюда, казалось отдаленной речной протокой, над которой, едва заметные, летели утки.

Ленин и архиепископ Илларион некоторое время сидели молча. Потом Ленин стал осторожно поводить плечом, убирая крыло. И оно медленно, с тихим шелестом втянулось под жилетку. Ленин и архиепископ Илларион продолжали сидеть, больше не обменявшись ни словом.

Внимание Белосельцева привлекла веранда, какие бывают на подмосковных дачах, светлая, простая, с круглым столом под льняной скатертью. За столом сидел Сталин. Он был в белом полувоенном френче. Белосельцев заметил на локтях и лацканах френча аккуратные заплатки. Они были тщательно заглажены и слегка лоснились. Усы и брови Сталина были расчесаны. Гребешок лежал тут же на столе.

Белосельцев увидел, как на веранду вбежал танкист, разорванный снарядом на Курской дуге. У него не было рук, разворочен живот и из пустых глазниц текли кровавые слезы. Все это было едва заметно под белым балахоном, в который он был облачен. Танкист кинулся на грудь Сталина и спрятал в складках френча лицо. Сталин нежно прижал к себе его голову и гладил по волосам.

Следом за танкистом вбежал пехотинец, подорвавшийся на mine. Хромая, он приблизился к Сталину и прильнул к его груди, а тот поцеловал его в лоб. На веранду то и дело вбегали солдаты, офицеры и генералы. Их смертельные раны скрывали долгополые белые рубахи. Все они искали утешения у Сталина, а тот целовал их и что-то тихо шептал. Сержант-связист, обнявший Сталина, заметил, что на его сидящей голове нет нимба. Бросился с веранды в луга, где цвели одуванчики, сплел из них веночек и, вернувшись на веранду, возложил веночек на голову Сталина.

Поодаль на траве было постелено лоскутное одеяло. Стояла тарелка с чищенными яйцами, зеленели стрелки лука прямо с грядки, стоял чугунок с картошкой в мундире, над которой поднимался парок. На одеяле удобно разместились два праведника профессорского вида с седыми комочками бород. У одного в волосах запуталась божья коровка, и второй деликатно старался ее выпутать.

– А не удивляет ли вас, сударь мой, что среди праведников отсутствует молитвенник Земли Русской преподобный Сергей Радонежский? – Спрашивающий опасливо оглянулся, не достался ли его вопрос постороннему слуху.

– А вы не знаете?

– Для меня, признаюсь, это большая загадка.

– Да потому, что перед поединком Пересвета и Челубея он отпилил у Пересвета часть копья. Копье стало короче, Челубей первый ударил Пересвета, пронзил его и сам напоролся на острие копья Пересвета. Оба упали замертво. Но Господь счел поступок Сергия несправедливым и отказал в Царствии Небесном. Но об этом молчок.

– Разумеется, мой друг.

Они достали из чугунка клубни, покатали их в ладонях и стали чистить, завершив на этом беседу.

Второй день пребывания Белосельцева в Небесном Царстве завершался. Красное солнце садилось в луга. Под шатром старой ивы толпились комары-толкуны, совершая однообразные движения вверх-вниз, словно хотели передать Белосельцеву какую-то весть. Но тот не мог понять значение их безмолвных иероглифов.

Он не чувствовал себя неприкаянным. Напротив, он отдыхал, предоставленный себе самому, но его удивляло, что огромный жизненный опыт, добытый им среди сотрясавших землю войн и революций, никого не интересует. Никто не вызывает его для отчета, никто не берется судить его за ошибки в прогнозах, за неверно составленные сценарии.

Теперь он двигался через сырой луг, сбивая с травы обильную росу, и помышлял о ночлеге.

Он дошел до реки. Вода текла тяжело, густо, в прибрежной осоке крикали утки. Он увидел паром, скроенный из грубых бревен, обшитых тесом. За стальную проволоку тянули паромщики, перегоняя паром с одного берега на другой. Посреди парома высился горящий стог сена. Его красное отражение уходило в черную реку, и на свет всплывало множество мальков, глазастых, юрких, с зеленоватым отливом. Паромщики сурово перегоняли паром, и Белосельцев узнал в них двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев.

Белосельцев спустился вниз по реке, надеясь обнаружить какой-нибудь рыбачий шалаш, чтобы скоротать в нем ночь.

Ему казалось, что Царствие после дневных сует должно уйти на покой. Но, напротив, он повсюду замечал оживление. Через луг шли оживленные группы праведников. Некоторые размахивали флагами, другие несли сосуды, похожие на сухие тыквы, постукивали в них, извлекающая гулкие звуки.

– Не будете ли столь любезны, не объясните мне природу столь позднего оживления? – спросил Белосельцев двух праведниц, одетых в кринолины, с крохотными бриллиантовыми коронами на головах.

Это были фрейлины императрицы Елизаветы Петровны. Обе засмеялись, посмотрели на Белосельцева, как на забавного чудака.

– Сегодня в Царствии ночное празднество. Венчаются княгиня Зинаида Александровна Волконская и певец Дмитрий Хворостовский. Прошрое их венчание состоялось на Святки, и подавали к столу удивительно сладкий снег.

Обе фрейлины кокетливо засмеялись. Белосельцев слышал, как шуршит о траву их парча и бриллиантовые короны, как звездочки, гаснут в лугах.

На широком выгоне, где днем паслись коровы и пощелкивал кнут пастуха, был воздвигнут дворец, тот самый, что находился на углу Фонтанки и Невского и откуда были видны кони, которых объезжали наездники. Дворец был полной копией подлинника, но сделан не из камня, а из кисеи. Розовая, зеленоватая кисея просвечивалась и слегка колыхалась, напоминала марлевый сачок, в который были уловлены бабочки.

Княгиня Волконская и Дмитрий Хворостовский встречали гостей. Певец со своей прекрасной русской улыбкой и пышным серебром волос одаривал гостей лаской, а княгиня Волконская протягивала для поцелуя руку, затянутую в лайковую перчатку. Целуя эту царственную руку, Белосельцев ощутил запах горьковатых духов, чья нежная горечь напоминала дым афганских предгорий, где в кишлаках топились глинобитные печи и две женщины в зеленой и синей парандже шли по проулку, колебля под тканью молодыми телами.

Дмитрий Хворостовский осведомился у Белосельцева, давно ли тот из Лондона и, не дождавшись ответа, уже улыбался директору авиастроительной корпорации.

Зал был полон гостей. Здесь были вельможи императорского двора, композитор Алябьев, даже внешне похожий на соловья, несколько генералов Туркестанского похода и член Политбюро, ответственный за Лунный проект. Гости перемещались по залу, разговаривали, им подносили шампанское, которое, едва его касались губы, превращалось в крохотные летучие радуги.

Белосельцев заметил среди гостей свою двоюродную бабушку, окончившую Бестужевские курсы и позднее вместе с итальянскими археологами работавшую на раскопках в Помпеях.

В залу внесли клавесин, отделанный карельской березой. Княгиня Волконская села в круглое креслице, вытянула ногу с узкой лодыжкой в остроносой французской туфле, нажала бронзовую педаль и утопила несколько костяных клавиш. Звук получился хрупкий, хрустальный. Гости окружили клавесин, и седой камергер с красной парчовой лентой через плечо вставил в ухо слуховую трубку. Дмитрий Хворостовский приблизился к клавесину, сцепил перед грудью руки, словно боялся, что звук в неповиновении отхлынет из груди, и запел. Он пел своим бархатным, густым, как мед, голосом песню «В далекий край товарищ улетает». При первых же из сердца идущих звуках знакомых каждому русскому человеку прощальных слов, в которых душа отрывает себя от любимых и ненаглядных, чтобы больше не встретиться и всю остальную жизнь вспоминать о несказанной любви, возникла такая тишина, словно ночь умолкла, внимая божественной песне. Княгиня Волконская лишь слабо вторила песне хрустальными звуками. В глазах ее были слезы. Старый туркестанский генерал, прошедший вместе со Скобелевым до Хивы, прижимал к глазам батистовый платок. Конструктор самолетов, посылавший свои машины в небо Испании, вздыхал. На его груди сиял красный орден.

Но потом тишина ночи сменилась бесконечными разливами, повторявшими песню на тысячи голосов. Пела осока в реке. Проснулись и пели ночные птицы в лесах. Пели двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев, перевозивших на пароме горящий стог.

Желуди в соседней дубраве светились, и дубы были в бесчисленных золотых огоньках. Дмитрий Хворостовский перестал петь, а желуди на дубах продолжали светиться.

После дивного пения не сразу перешли к угощениям. Праведники не стали усаживаться за столы, а тесно встали у стен. Другие праведники, ведающие угощениями, стали выдувать из берестяных дудок разноцветные шары и метать их среди гостей. Шары были легкие, прозрачные, взлетали, а праведники хватали их губами, они лопались, осыпались брызгами. Праведники шалили, подбрасывали шары носами, отнимали их друг у друга. Два шара достались Белосельцеву. Один, розовый, лопнул у него на губах, оставив слабый вкус земляники. Другой, синий, исчез, едва его коснулся язык Белосельцева, и тот уловил запах лугового колокольчика. Всласть отведав разноцветных шаров, праведники понесли новобрачным подарки.

Княгине Волконской преподнесли платье из нежных лоскутков, каждый из которых был бабочкой с алыми и зелеными вкраплениями, серебристыми жилками и золотистой пылью. Княгиня радовалась подарку, пожелала тут же примерить платье. Две фрейлины, которых Белосельцев встретил в лугах, помогли княгине надеть воздушное платье. Но как только княгиня, любуясь собой, заглянула в зеркало, платье превратилось в облако бабочек, которые наполнили дворцовую залу, а потом через открытые окна полетели в ночь. Одна из бабочек села на руку Дмитрия Хворостовского, он поцеловал ее, и она улетела.

Два праведника поднесли Хворостовскому деревянный поднос, на котором лежала большая серебряная рыба. Она слегка билась хвостом по подносу, но едва Хворостовский коснулся ее, она вспыхнула, засверкала, у нее выросли бриллиантовые крылья, она вспорхнула с подноса и полетела к дальним дубравам, над которыми описывала спирали и дуги, оставляя сверкающий след. Новобрачным поднесли букет чертополохов, который вдруг расцвел розовыми лампадами, разлетелся из дворца в поля, и там, в черной ночи, танцевали негасимые лампы,

и низко над ними стоял оранжевый месяц, и ночное косматое чудище танцевало среди цветов, трубя в берестяной рожок.

Наступило время веселья, и оно было безудержным. Полые голубые шары сыпались на луг. Праведники догоняли эти шары, забирались внутрь. Шары мчались, перевортывались, праведники барахтались в них. Некоторые выпадали, и тогда они норовили отнять шар у другого, завязывалась беззлобная перепалка. Шаров было множество. Они напоминали икринки, а засевшие в них праведники были подобны малькам.

Белосельцеву удалось проникнуть в один из шаров. Шар мчался, подскакивал. Сквозь прозрачную оболочку Белосельцев видел счастливое лицо академика Вернадского, который шутливо отдал ему честь.

Веселье, которое испытал Белосельцев, было безграничным, как в детстве, когда каждая клеточка растущего тела ликовала, смеялась, славилла благословенный мир.

Вслед за шарами-икринками ночное небо наполнили хохочущие рыбы. Длинные, сверкающие, они стаями проносились над дворцом, оглашая окрестность женским пленительным хохотом. Их было множество. Они гнались одна за другой, проносились сквозь дубравы, оставляя в черных дубах зеркальные проблески. Несколько рыб неосторожно приблизились к зеленым, как огромные фонари, серафимам и запутались в их вершинах. Висли хвостами вверх, вздрагивали, продолжая смеяться.

Праздник завершился грандиозным фейерверком, когда в ночную синеву взлетели брызгающие искрами звезды, устремились золотые змеи, расцвели воздушные букеты, и весь этот счастливый огонь мчался ввысь, достигал Надцарствия, выстилал мироздание лучистым серебром.

Белосельцев был счастлив принять участие в небесном торжестве. Утомленный, умиленный, храня на губах вкус лесной земляники, он отправился искать ночлег. У стожка, где он ночевал в прошлую ночь, он увидел княгиню Зинаиду Волконскую и Дмитрия Хворостовского.

– Если вам интересно продолжение истории, приходите через час в библиотеку. Там, на нижней полке, вы найдете рукописную книгу астролога Вольфа Рейнольдса. Я сделала закладку. Откройте и прочитайте. Вам это многое прояснит.

Хворостовский поцеловал княгине руку, и они удалились.

Белосельцев лежал на стогу, без мыслей, без чувств, а только с исчезающим счастьем. В полях продолжали гулять негасимые чертополохи, на черной реке двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев перевозили горящий стог.

Белосельцев уснул, и ему казалось, что он видит сон о сне и он может по тонкой паутинке перемещаться из одного сна в другой.

Глава четвертая

Белосельцев проснулся поздно и обнаружил царящую вокруг кипучую деятельность. Праведники сворачивали в рулон кисейную стену дворца. Другие поправляли помятые в полях колокольчики. Третьи метелками сметали с дороги лопнувшие шары. Четвертые, приставив к серафимам стремянки, выпутывали смеющихся рыб, которые все никак не унимались и время от времени хихикали. И во всем этом самое деятельное участие принимали воробьи, которые, как уяснил себе Белосельцев, были ангелы. Белосельцева по-настоящему начинала заботить его неприкаянность. Никто не заметил его появления в Небесном Царстве, никто не требовал от него отчета за проделанную в течение земной жизни работу. Он был уверен, что обладает бесценными сведениями, ради которых столько раз рисковал, подвергал риску других, и теперь эти бесценные накопления некому было передать. Он решил выяснить, где в Небесном Царствии пребывает Господь, и самому, не дожидаясь приглашения, явиться к нему на суд.

На лугу поодаль друг от друга стояли две засохшие березы. На их мертвые вершины были набросаны ветки, ворохи соломы, сухой камыш, вялая трава. Это были гнезда, и в них, как аисты, сидели Лев Николаевич Толстой и Федор Михайлович Достоевский. Оба перебирали какие-то листики, букетики, словно не замечая друг друга. Но потом внезапно вскидывали головы, запрокидывали вверх бороды и оглашали окрестность сердитым клекотом. Что-то им не нравилось друг в друге, в чем-то чувствовалось несовпадение, но было видно, что они не могут один без другого, и это мешало им разлететься в разные стороны. Время от времени они поднимали плечи, выпускали широкие сизые крылья и покидали гнезда. Делали несколько кругов над лугом, приземлялись поодаль друг от друга, делая вид, что не замечают один другого. Но потом сходились, и Лев Николаевич Толстой что-то сердито втолковывал Федору Михайловичу Достоевскому, в чем-то его убеждал, а тот упрямствовал.

Белосельцев решился нарушить их религиозно-философский спор, приблизился и деликатно спросил:

– Господа, не сочтите меня навязчивым, но вам, несомненно, местные нравы понятнее, чем мне, вновь прибывшему. Не могли бы вы указать мне, где находится Господь Бог, встреча с которым мне крайне необходима.

Толстой посмотрел на него с некоторым удивлением. Видимо, так аисты смотрят на съедобных лягушек. Но передумал проглатывать Белосельцева:

– Да вот же он, у вас под носом. А теперь извольте нам не мешать.

Белосельцев оглянулся и увидел своего школьного учителя словесности Михаила Кузьмича, который вместе с учениками сажал при дороге деревья.

Ну конечно же, это был Господь. Белосельцева не могли обмануть застиранная косоворотка, вытянутые на коленях брюки, костлявая сильная рука, которой Михаил Кузьмич обычно хватал край стола, колючий насмешливый взгляд из-под седых бровей. Это был Господь Бог, принявший внешность любимого учителя, перед которым Белосельцеву всегда хотелось быть лучшим, писать лучшие диктанты, приносить лучшие сочинения, добровольно вызваться к доске, чтобы прочесть наизусть стих или отрывок из толстовской охоты. И теперь это желание быть услышанным, заслужить похвалу, увидеть, как в серых глазах мелькнет одобрение, повторилось в Белосельцеве с прежней силой.

– Я расскажу Тебе, Господи, о гибели роты в горах Панджшера, когда мы взяли в плен моджахеда, его звали Саид, привязали к столу и пытали током. Он клялся, что не знает, в каком ущелье отсутствует засада и где может пройти наш спецназ. Мы обмотали его мокрой простыней, крутили полевой телефон, и у него кровь шла изо рта. Мы стали рвать его Коран, и он изнемог и сдался, указал тропу, где не было засады. Я повел спецназ, нас заперли в ущелье, и мы потеряли роту. Трупы два дня вывозили вертушками. Я сидел у зеленой реки Панджшер,

смывал засохшую кровь, а мимо меня по воде протащило раскисшую чалму, сбитую пулей с чьей-то головы. Об этом хотел рассказать Тебе, Господь.

Учитель не отвечал, и его носатое, коричневое от солнца лицо было исполнено печальной думы.

– Хотел рассказать Тебе, Господь, как в сельве Рио-Коко я исследовал все протоки, по которым на каноэ перемещались мятежные индейцы. С сандинистами мы загнали индейцев на остров и час молотили из минометов. На трупы слетелись все грифы и беркуты сельвы. Мы связали веревками флот индейцев, подожгли каноэ и смотрели, как плывут в протоках горящие лодки.

Учитель молчал, и Белосельцев, волнуясь, спросил:

– Разве это не интересно Тебе, Господи? Только Тебе я доставил эту секретную информацию.

– Все это очень важно, и об этом я расспрошу тебя позднее. А сейчас Расскажи мне лучше о колокольне.

– О какой колокольне, Господи?

– О колокольне Тихвинской Божьей Матери, которая долгие десятилетия смотрела в окно твоего дома и вырастила тебя тем, кем ты стал.

Учитель печально и ласково смотрел на Белосельцева, а тот растерянно, в смятении не знал, что ответить.

Боже, ну конечно, та старая колокольня, что стояла в Тихвинском переулке напротив его окна и днем и ночью наблюдала за ним молча и пристально своими пустыми, без колоколов проемами, круглым разрушенным куполом без маковки и креста, где росли чахлые, занесенные ветром березки. Он помнил колокольню среди зимних ночных буранов, янтарного морозного солнца, сиреневых весенних зорь, в желтоватом воздухе московской осени. Она была розовая, черно-серая, лазурно-голубая, среди ливней и снегопадов. Неотрывно смотрела на него, терпеливо наблюдая, как он взрослеет. С той таинственной новогодней ночи, когда на письменном столе у окна стояла его первая в жизни елка и мамыны осторожные руки развешивали по колючим веткам серебряные шары, стеклянные шишки, хрустальный дирижабль с надписью «СССР». У окна на свои чаепития собирались бабушка и ее братья, и в синие фамильные чашки лился черный как смола чай, и они вспоминали, умилялись, поминали с любовью старинный богатый дом, любящую семью, и в их воспоминаниях вдруг появлялась боль, надрыв, страдание. Братья кричали один на другого, винили в страшных грехах, погубивших семью, и бабушка кидалась их утешать и мирить. Кончалось все слезами, молчанием о какой-то страшной беде, постигшей эту русскую семью, как и другие русские семьи. Белосельцев сидел за старинным дубовым столом с хрустальными кубами чернилниц, старательно выписывал буквы в тетрадь с косыми линейками, а колокольня следила за его каракулями, и бабушка издалека смотрела на него с обожанием. И такая бабушкина любовь, такая жертвенность окружали его, что он по сей день чувствует спасительный кокон этой любви. Бабушка где-то здесь, среди праведниц, и он обязательно отыщет ее в белых облачках встающего над озерами тумана.

Когда бабушка бредила, умирала, ей чудились ужасы, он подошел к ее кровати и спросил:

– Бабушка, ты узнаешь меня?

И она, уже погружаясь в смерть, пролепетала невнятно:

– Любу тебя!

Она лежала мертвая на столе, где он когда-то готовил уроки, колокольня смотрела, как он плачет, и на зимний тополь прилетел красногрудый снегирь.

Пока длился его рассказ о колокольне, учитель Михаил Кузьмич куда-то исчез, и Белосельцеву больше некому было исповедоваться.

Он бродил по окрестностям, наблюдая за праведниками, которые строили птичьи гнезда, а птицы торопили их, заселяли сооруженные гнезда и тут же откладывали яйца.

Он увидел, как два пехотных офицера, сражавшихся в свое время на Багратионовых флешах, свили гнездо, в которое тотчас уселась малиновка, а ее кавалер взлетел на вершину и дивно заливался, пламенея грудкой. Кузьма Минин, с трудом вскарабкавшись на дуб, поместил там сорочье гнездо. Сорока с сине-зеленым хвостом и белой грудью тут же обосновалась в гнезде, прихватив с собой золотые карманные часы, которые она украла у академика Ивана Петровича Павлова.

Белосельцев дождался, когда Кузьма Минин тяжело спустится с дерева, и обратился к нему:

– Удивляюсь, только что был здесь Господь, мы разговаривали с ним, и вдруг он исчез. Вы не видали случайно Господа Бога?

– Да как же, вот он! – Кузьма Минин указал на молодцеватого мужчину в начищенных сапогах и лихом картузе.

Тот стоял в рубахе навыпуск, засунув ладони под ремень, и Белосельцев узнал в нем псковского кузнеца Василия Егорыча, у кого в юности останавливался много раз, полюбив чудесную деревеньку Малы, где стояла кузня. И как тверды и красивы были ее каменные белевые стены, как пахло углем, как сипели мехи, как драгоценно и ало светилась в сумерках раскаленная подкова, по которой звонко бил молоток кузнеца. Конечно, это был он, Василий Егорович. Как никто, мог сковать могильный крест. На всех окрестных погостах цвели эти кресты, похожие на пышные радостные букеты. Конечно же, это был Господь Бог, и к нему, робея, любя, устремился Белосельцев.

– Господи, это я. Пусть без зова, но явился к Тебе. Я столько должен сказать. Столько бесценных сведений я добыл на земле, куда ты послал меня на разведку. Теперь я пришел, чтобы дать отчет.

– Что бы ты хотел мне поведать? – спросил Василий Егорович.

– На юге Анголы в Лубанго мы тренировали партизан-намибийцев. Учили их взрывать водоводы, ведущие к алмазным копиям в Виндхуге. Мы провели прекрасную операцию, обесчистили рудник, уничтожили два полицейских поста. Но когда вернулись на базу, прилетели два бомбардировщика «Импала» и разбомбили нашу группу. Командиру Питеру Наниембе оторвало обе ноги, он истекал кровью. Я дал ему мою кровь, и теперь он живет с моей кровью. Когда он лежал на земле, дергая кровавыми обрубками, к луже крови из травы устремились огромные черные муравьи и пили кровь, а Питер умолял его застрелить. Он жив, и в нем есть моя кровь.

Василий Егорович рассматривал свои большие руки с несмываемым углем и железом и смотрел, как доктор Лиза вешает гнездо трясогузки, сплетенное из травы, и резвая птичка садится доктору Лизе на голову, а потом перелетает в гнездо, поводя торчащим хвостом.

– Что еще мне хочешь сказать? – спросил Василий Егорович.

– В Эфиопии, во время войны с Эритреей, получил задание вывезти из зоны боев разведчика. Он был англичанин, но работал на нас, следил за поставками эритрейцам оружия под видом продовольственных конвоев. Он работал врачом в лагере для беженцев, и, когда двумя бортами мы прилетели в Лалибеллу, в огромный лагерь, мы не сразу его нашли. На горячей земле стояли и сидели под палящим солнцем люди, похожие на скелеты. Тут же хоронили мертвецов, обкладывая трупы камнями, тело тут же испарялось на солнце. Над камнями дрожали стеклянные миражи. Когда я вошел в лагерь, на мое сытое чистое тело набросились тысячи кровососов, стали жалить, язвить. Мы нашли врача, больного тифом. Погрузили на борт, на тюфяк, и я все пытался взять у него информацию. У него разбухло горло, он не мог говорить. Когда мы прилетели в Аддис-Абебу, он был мертв. В его кармане мы нашли фотографию милой английской барышни, должно быть его невесты.

Белосельцев умолк, ожидая, что скажет Василий Егорович.

– Все, что ты сообщил, очень важно. Но расскажи лучше, как ты с друзьями гулял у Мальского озера и какие это были прекрасные люди.

Божественное зеленое озеро, стеклянный след от долбленной лодки, гора на той стороне, синяя от цветов. Ленивые сиреневые туманы в сосняках, рождающие дивные предчувствия, тайные мечтания о любви, о творчестве, о неизбежном, тебя ожидающем чуде.

Два друга, два реставратора приняли Белосельцева, наивного юношу, в свой мужской круг. Всеволод Смирнов и Борис Скобелец, фронтовики, чудом уцелевшие на кровешной войне и славящие дивный мир, куда вернулись лишь избранные по неведомой воле Творца. Они реставрировали разрушенные псковские церкви, похожие на русские печи, которые в цветущих бурьянах пахли медом. Белосельцев обожал обоих, благоговел перед обоими. Всеволод Смирнов, мощный, мягкий, тяжеловесный, как медведь, учился у каменщиков класть церковные стены, у кузнецов, у Василия Егоровича учился ковать скобы, светильники и церковные кресты, у колокольных дел мастеров учился лить колокола. Крыл древесным гонтом церковные кровли, укреплял опавшие фрески и медленно, упорно возвращал в себе православного человека, благодарного Господу за чудо земной благодати.

Его друг Борис Скобелец восторженный, готовый восхищаться женской красотой, совершенством храма, женственной псковской природой, где цветок в полях, звезда в небе, заря над озером славил божественный дух, витавший над перламутровым миром. Трое они были неразлучны, без усталости обходили заросшие травами храмы, ликующие монастыри, каменные кресты и надгробия, сопровождая свои походы пирами и трапезами в обществе красавиц, которые следовали за ними, пропадая в ржаных колосьях, золотых подсолнухах, в ночных русалочьих купаниях. Белосельцеву, который не расставался с друзьями, была наградой красота русской природы, русской безбрежной истории, ликующего бытия, которым одарила его эта дружба. И они все трое, перевертываясь, катились с горы, заворачиваясь в цветы, как в душистые одеяла.

Случилось загадочное, необъяснимое. Смирнов и Скобелец возненавидели друг друга. Это была не просто неприязнь, была ненависть. Частичка загадочной тьмы попала в их отношения и все исказила, изуродовала. Это была не ревность к женщине, не соперничество в искусстве, не расхождение взглядов. Это была темная ненависть, пугавшая своей необъяснимой беспощадностью. Они жили в одном доме и перестали встречаться. Сталкиваясь случайно на улице, переходили на другую сторону. Говорили друг о друге ужасные вещи. Белосельцев страдал, разрывался, беспомощно пытался их примирить. Скобелец сразил болезнь. Зная, что умирает, из последних сил выбирался из города к своей любимой Никольской церкви в Устье. Они сидели на берегу, видя, как плывут в озере лодки с копнами зеленого сена и у косцов красные в вечернем солнце лица.

Борис попал в больницу и мучительно умирал. В седой бороде был виден черный хрипло дышащий рот. Белки были желтыми, он водил глазами и не узнавал никого. Так случилось, что в больницу с той же болезнью попал Смирнов. Их палаты были на разных этажах. За несколько часов до Бориной смерти Сева спустился к нему и сел в изголовье. Они молча сидели. Внезапно Скобелец протянул ему руку, и Сева сжал ее. Так и сидели, пока Боря не перестал дышать.

Хоронили Скобелеца в серый студеной день. Он лежал в гробу среди замерзших цветов. Священник отпевал его, качал кадилом, стояли смиренные друзья. И вдруг из серого неба, сквозь кадильный дым, слетел голубь и сел на грудь Бори. И все изумленно молчали, явившись свидетелями чуда. Белосельцев всю жизнь разгадывал эту притчу о божественном примирении, о воссиявшей любви.

Все это он поведал Господу, принявшему образ кузнеца Василия Егоровича, и не заметил, как тот исчез среди праведников, строивших гнезда.

Белосельцев думал о друзьях своей юности, зная, что оба находятся в Царствии и скоро они повстречаются.

Глава пятая

Над Царствием шел дождь. Мелкий, звенящий, нескончаемый, на несколько дней. Небо серое, тусклое, сеяло и сеяло брызги, от которых травы блестели, синие колокольчики слиплись, с деревьев капало, птицы умолкли, и эмалированные тазы под карнизами давно были переполнены, – в них беспомощно трепетали мотыльки и не умеющие выбраться жуки. Леса стояли молчаливые, сочные, полные тайного роста, когда вдруг под дубами встают на своих упитанных ножках крепкие боровики и скользкие лесные улитки еще не успели прорыть в их бархатных шляпках борозду.

Под навесом кипел самовар. Семен Михайлович Буденный смешил двух балерин императорского Мариинского театра, показывая, как у них в селе пили чай вприглядку. Он клал на стол кусочек сахара, пучил на него глаза, а сам хлюпал чай из блюдца, смешно раздувая усы. Белосельцев раздумывал, не накинуть ли ему брезентовый плащ с капюшоном, пойти в лес и набрать корзинку свеженьких, с маслянистыми головками подосиновиков и подберезовиков.

Он слышал далекий стон и дрожанье земли. Мимо пролетела стая воробьев, они торопились, и было видно, что они выполняют поручение Господа.

Стон усилился, он напоминал рык животного, которому причиняют мучение.

Толчки земли сменились хлюпаньем и чавканьем, как будто месили глину.

– Что это? – спросили балерины у Семена Михайловича Буденного.

– Изгоняют из Царствия, – ответил маршал, сурово нахмурившись.

– А зачем было брать?

– Недогляд вышел.

Белосельцев взглянул туда, откуда раздавалось хлюпанье, и увидел странную процессию. Голые, под дождем двигались Михаил Сергеевич Горбачев, Борис Николаевич Ельцин, Андрей Дмитриевич Сахаров и Анатолий Александрович Собчак. Их босые ноги погружались в глину, тонули в ней, с хлюпаньем выдирались. Чем дальше они шли, тем рытвина, которую они оставляли, становилась глубже, в ней бурлила вода. Они проваливались в гущу сначала до колен, а потом до бедер и со стоном выдирались из жирного месива. Им сопутствовали жены Раиса Максимовна, Наина Иосифовна, Елена Боннер и Людмила Нарусова. Все были голые, перепачканы глиной, висли на руках мужей, а те, охая и стеля, выворачивали ноги, которые тут же тонули в глине. В рытвине, которую они прорывали, бултыхались другие мужчины и женщины. Не все были знакомы Белосельцеву, к тому же они были перепачканы глиной. Тяжело несла свой огромный живот, непомерные синие груди Валерия Ильинична Новодворская. Вихляя крепкими сбитыми ягодицами, шла Галина Старовойтова. Там же виднелся бородастый Шейнис и маленький Шахрай, который несколько раз падал и скользил в глине, как змея.

Процессию сопровождали серафимы, отсвечивая мрачным зеленым светом, напоминая конвоиров, охраняющих колонну пленных. Множество воробьев с гневным чириканьем летело над процессией, изгоняя ее из Царства.

Ударил гром, и несколько раз ослепительно сверкнуло. Илья Пророк промчался на боевой колеснице, в которую была запряжена серебряная змея. Это была молния, которая обожгла Елену Боннер и ужалила Раису Максимовну. Процессия приближалась к границам Царствия, где стояли воротца из отсыревшего теса и вдоль проселка тянулись прясла. Когда серафимы стали выталкивать отлученных от Царства, Борис Николаевич издал страшный утробный рык, распугавший ангелов, а Михаил Сергеевич упал на колени и стал рыдать. Зеленые серафимы подталкивали их к береговой кромке, где кончалось Царствие Небесное и начиналась русская Арктика. Черные, как антрацит, льды уходили за горизонт. В небе жутко светила багровая звезда без лучей. Как черные продолговатые яйца, всплывали из-под льда американские подводные лодки. Было видно, что на одной лодке пожар. Когда Бориса Николаевича Ельцина

и Наину Иосифовну подтолкнули на край обрыва, на проселок, догнав процессию, выбежала Татьяна Дьяченко:

– Мама, папа! – кричала она. – Мама, папа! – Ее удерживали праведницы, не пускали за тесовые ворота.

Серафимы, похожие на столпы зеленого света, по очереди сталкивали в черноту ночи изгнанников, и те проваливались под лед, уходили в черную безмолвную бездну.

Глава шестая

Рытвина, зиявшая там, где прошли изгнанники, осушалась. Праведники вычерпывали из нее воду, засыпали землей. Высаживали молодые сосенки, и вскоре вместо уродливой рытвины зеленела молодая сосновая роща, и птицы отыскивали места для гнезд. Белосельцев, удрученный жестоким зрелищем, снова взялся искать Господа, чтобы предстать перед ним и поведать о земных деяниях.

Он расспрашивал праведниц, сажавших сосенки, не видали ли они Господа Бога.

– Да вот же он! – ответили ему, удивляясь его рассеянности, и указали на немолодую женщину в фартуке и линиялом платочке.

Она перебирала сосновые саженцы. И Белосельцев изумился, как же раньше он ее не заметил. Это была тетя Поля, у которой в селе Бужарове поселился в юности, когда оставил Москву и уехал на природу, став лесником. Конечно же, это была она, хлопотливая, смешливая, многострадальная, как и все русские вдовы, которых обижали всю их жизнь, и они оставались сердечными, терпеливыми, ни на кого не пеняли, хранили память о своих почивших мужьях. Конечно, тетя Поля и была Господом Богом, прожившим вместе с Белосельцевым две зимы и два лета в уютной избушке, где за русской печью стояла кровать, деревянный стол, за которым он писал свои первые рассказы. Долгими вечерами они играли с тетей Полей в карты, и та огорчалась до слез, когда проигрывала. Иногда он приносил из магазина бутылочку красного, и тетя Поля, пригубив сладкую чарочку, пела дивные русские песни, про любовь, про охотников и разбойников, рассказывала бесконечные истории о детях, что умерли в раннем возрасте, о тараканах, которые перед началом войны ушли из избы за реку, о своих обидчиках, о добрых людях, помогавших в беде. И все своим изумительным русским говором сказочницы и вещуньи. Когда подступали трескучие ночные морозы, они с тетей Полей переносили из сарая в избу и опускали в подпол кур и петуха, и ночью Белосельцев сквозь сон слышал, как из погреба кричит петух, и ему казалось, что в центре земли живет птица с огненным гребнем и земля на петухах стоит.

Конечно же, это она, тетя Поля, была Господом Богом, и к ней обратился Белосельцев.

– Господи, это я явился к Тебе, чтобы поведать, как в земной жизни я исполнял твои задания. О чем тебе рассказать? Быть может, о том, как в Мозамбике минировали аэродромы, куда из ЮАР приземлялись легкие самолетики с диверсантами? Пополняли запас топлива, брали взрывчатку и летели дальше взрывать нефтепроводы в Бейре. Аэродром был простым пустырем в саванне, среди редких кустов. На песке оставался след самолетных колес, от прежних посадок. Мы заложили в колею взрывчатку и стали ждать самолет. К вечеру раздался треск мотора, похожий на цикаду. Самолет из фанеры, покрашенный в оранжевый цвет, опустился на грунт, побежал и взорвался. Взрывом его перевернуло, и он горел колесами вверх. Когда мы подошли, то увидели, что пилотом была женщина, в комбинезоне, с автоматом «Узи». Тебе это интересно узнать?

Тетя Поля печально вздохнула и, подперев щеку, задумалась, быть может, вспоминала своих умерших детей, от которых остались в сундуке линялые рубашечки, а под потолком – железное кольцо, на котором висела зыбка.

– Тогда послушай, как в Средиземном море на Пятой эскадре мы ходили на суденышке радиолокационной разведки у берегов Ливана. Там в долине Бекаа шла война, израильские самолеты взлетали из Хайфы и летели низко над морем, невидимые для радаров. Мы фиксировали их массовый взлет, передавали информацию советским зенитно-ракетным полкам, прикрывавшим Бекаа. И когда израильские «Кфиры» собирались нанести удар, они попадали под выстрелы наших зенитных ракет и, сгорая, падали на оливки и виноградники. Это тебе интересно?

Тетя Поля молчала, только смахнула краем платочка слезу:
– Расскажи-ка мне лучше, Витюша, как видел лису.

Ну конечно, он видел лису тем февральским солнечным днем, когда в счастливом одиночестве праздновал свое рождение. Лиса была послана ему в подарок этими янтарными полянами, розовыми шишками на вершинах елей, красной веткой брусники.

Он работал лесником, и его уголья касались стен Ново-Иерусалимского монастыря, взорванного немцами, напоминавшего гору с осевшей вершиной. Божественный Никон своей русской необъятной мечтой решил перенести под Москву святую Палестину, чтобы здесь, в подмосковных лесах, во время второго пришествия опустили стопы Христа. Белосельцев носился по снежным полям на своих широких, как лодки, лыжах, не ведая, что, влетая в леса, он погружается в кущи Гефсиманского сада. А шагая по черным лесным дорогам среди красных и синих цветов, не догадывался, что повторяет крестный путь. А ныряя в студеную Истру, не задумывался над тем, что погружается в Иордан.

В монастыре он подружился с местным краеведом Львом Лебедевым. Дружба с ним длилась всю его жизнь и одарила его священным обожанием, русской тайной, знанием о русской Голгофе, русской пасхальной судьбе. Ночью они со Львом Лебедевым прихватывали керосиновый фонарь и шли в разоренный храм, хрустя по разбитым изразцам. Вставали под провалившийся купол, и сквозь огромный пролом смотрело на них все сверкающее звездное небо, как Божье лицо. Они молились, не зная ни одной молитвы. Лев Лебедев крестился и стал отцом Львом, а позже крестил Белосельцева в смоленском селе Тесово. В день Казанской Божьей Матери Белосельцев опустил голые стопы в ледяную купель, и отец Лев облил его крещальной водой. И ночью они шли по Смоленской дороге, неся перед собой керосиновый фонарь, пели, читали духовные стихи, говорили о Русском Чуде, Русской победе.

Отец Лев, повторяя судьбу многих русских батюшек, пил горькую, ссорился с иерархами и позже ушел в лоно зарубежной церкви. Он умер от разрыва сердца на аэродроме Кеннеди, возвращаясь в Россию. Тетя Поля, дававшая приют Белосельцеву в течение нескольких лет, умерла дождливым осенним днем. Несколько лесников и он, Белосельцев, несли ее легкий гроб на гору, где темнели кладбищенские березы. Могила была отрыта, и на сырой земле были разбросаны маленькие коричневые кости ее детей. С ними она соединилась в могиле, на которой через год выросла желтая пижма.

Белосельцева не удивило, что тетя Поля, бывшая одновременно Господом Богом, куда-то исчезла, растворилась, истаяла среди других праведников, населявших Царство. Господь Бог являлся ему в разных обликах, и Белосельцев безошибочно узнавал его присутствие по признакам святости, таким, как отсутствие тени, или хождению по травам, которые не сгибались под его шагами.

Белосельцев шел по чудесным влажным лугам, которыми изобиловало Царствие. В травах краснели цветы с липкими головками, которые он в детстве называл «богатырскими». Ему казалось, что в таких лугах среди таких цветов пробирались на конях русские богатыри, и кони тонули в травах по самые гривы.

Он увидел среди луга малое светлое озерцо. Оно было окружено бахромой голубых анютиных глазок. В озерце, как в ванной, сидели молодые прекрасные женщины, выжимали из волос озерную воду, поправляли прилипшие к телу, ставшие прозрачными сорочки. Их было девять, темноволосых, златокудрых, хрупких и гибких, полных и томных. Они увидели Белосельцева и стали звать к себе, в озеро. И он узнал в них женщин, которых любил когда-то и которые среди множества других мимолетных увлечений делали его счастливым. Дарили несколько восхитительных лет, о которых теперь он вспоминал, как о божественном даре. Но среди этих девяти не было десятой, той, что стала его женой, родила ему детей, провожала на войны и умерла у него на руках, сделав навеки несчастным. Жены Веры не было среди прелестных купальщиц. Не было ее среди других праведниц, населявших Царство. И он среди

несчетного множества праведников, удостоенных вечной жизни, не находил ее, чувствовал ее отсутствие как горькую пустоту.

Купальщицы обрызгали его водой, подарили на прощание большую синюю стрекозу, которая, шелестя слюдяными крыльями, повела его к лесу.

Как хороша эта лесная тропинка! Молчаливая птица перебегает ее, скрывается в кустах, на которых редко краснеют ягоды лесной малины. Вдруг паутина, сплетенная из тончайших радуг, преграждает тебе путь, и ты осторожно обходишь ее, чтобы не потревожить дивное творенье. А на тропу уже падают круглые, как монеты, листья осины, и в каждом голубая капля с отражением неба, и на губах горьковатый вкус скорой осени.

Белосельцев увидел, как навстречу идет старичок с корзинкой, полной черники. Черничный сок вытекал сквозь прутья корзинки. Губы старичка были синими от сока, а глаза на сморщенном коричневом лице казались васильками. Белосельцев сразу его признал. Это был карел Евграф, который приютил Белосельцева и жену Веру в их медовый месяц в утлой избушке на берегу лесного карельского озера. И конечно, Евграф повстречался ему не случайно, ибо был Господь Бог, и перед ним предстояло держать ответ за земные деяния.

Они сидели на поваленном дереве, и Белосельцев спрашивал карела Евграфа:

– Рассказать тебе, как в Кампучии я сидел на броне трофейного американского транспортера, захваченного вьетнамцами под Сайгоном, и мы прорывались через границу Таиланда, добывая отряды красных кхмеров? Лицо мое напоминало пухлую подушку от укусов moskitov, и вьетнамский врач прикладывал к моему лицу распаренный лист банана. Или, хочешь, расскажу, как на границе Гондураса в заливе Фонсека состоялся бой пограничных катеров? Гондурасский катер был подбит, тонул, а сандинисты одиночными выстрелами добивали плавающих в воде гондурасцев. В этом заливе было много летающих рыб. Они, как блески, выпрыгивали из воды, падали на палубу катера и высыхали на солнце.

– Нет, – ответил карел Евграф. – Расскажи о другом. Сам знаешь о чем.

Конечно, он знал. О чудесном Вохтозере, которое днем было зеленым от отражения лесов, а к вечеру в него погружалась негасимая малиновая заря, и гагара летела, роняя в озеро каплю, от которой медленно расходились серебряные круги. Они с женой шли сквозь огненно-красные сосняки, перешагивая гранитные выступы, по лесной дороге, где медведи паслись в черничнике и оставляли синие горки помета. Вернувшись домой, в полутемной бане, при свете керосиновой лампы, хлестали друг друга вениками, кидали ковшами воду на раскаленные камни, и вода взрывалась, летела под потолком огненным змеем, а они, голые, в темноте выскакивали из бани и падали в студеное озеро. Он обнимал ее, стоя в темной воде, глядя, как над лесом встает луна. Однажды в лодке на середине озера, когда, утомленные, в сладком обмороке лежали на днище среди рыбьей чешуи и обрывков сетей, она, прижимая руки к животу, сказала:

– Я чувствую, он там, во мне. Я рожу.

А в нем ликование. Он целовал ее округлый дышащий живот, на который слетаются духи лесов и озер, и их чадо уже знает о малиновой заре и гагаре, чувствует, как он целует ее живот, и она говорит:

– Ведь правда мы никогда не умрем?

Все это Белосельцев хотел рассказать карелу Евграфу, но того уже не было. Только стояла корзина с черникой, оставленная Белосельцеву в подарок.

Глава седьмая

Белосельцев услышал отдаленные рыдания. Он не мог ошибиться, рыдала его жена. Значит, она была здесь, в Царствии. С ней было неладно, и Белосельцев, торопясь увидеть ее, кинулся на звук ее рыданий.

Пробежал болотом сквозь заросли осоки, оставлявшей на теле глубокие порезы. Прорвался сквозь кусты боярышника, исцарапавшего острыми иглами. Перепрыгнул рытвину, оставленную изгнанниками. Рытвина уже зарастала молодым лесом, и он больно напоролся на сук.

Он выбежал на проселок, который соединял Царствие с внешним необожествленным миром, и увидел жену. Она находилась по ту сторону тесовых ворот, билась в руках двух праведников, похожих на санитаров, вырывалась, выкрикивая:

– Пустите, пустите меня! Я хочу быть вместе с ним, с моим милым! Пустите меня к мужу, я умоляю!

Она вырывалась, а ее крепко держали, и было видно, что ей делают больно.

– Вера! – крикнул Белосельцев. – Я здесь!

Она увидела, рванулась к нему, но зеленый серафим преградил ей путь, сбросил на нее ворох березовых веток.

– Почему? – воскликнул Белосельцев. – Почему ее не пускают в Царствие? Она добрее, жертвенней, боголюбивей многих из нас. Она выхаживала меня в болезнях, она отказалась от творчества, преуспевания, выращивая детей. Почему ее не пускают?

Рядом стояла праведница с печальным утомленным лицом. Это была Зинаида Гиппиус. Она сказала:

– Ваша жена совершила неотмолимый грех. Она убила в себе младенца. Она в себе самой воздвигла плаху и на ней зарубила своего неродившегося сына. Такой грех невозможно отмолить. Даже молитвеннику Земли Русской преподобному Сергию, хотя и его, увы, нет среди нас.

Жена рыдала, накрытая шатром березовых веток. Воробьи тучами летали вокруг. Казалось, они хотят провести жену сквозь тесовые воротца, но не в силах это сделать.

Белосельцев, несчастный, беспомощный, стоял у изгороди, не в силах дотянуться до жены. Он помнил те мучительные месяцы, когда жена была беременна, а у него случился роман с красавицей, лицом своим напоминавшей воронежские иконы. Тонкая переносица, летящие брови, зеленые, лесные, таинственные глаза. Жена узнала о романе, хотела уйти из дома. Однажды, вернувшись домой, Белосельцев увидел жену, белую как мел, и на этом бескровном лице жутко мерцали черные слезные глаза.

– У нас не будет сына, – сказала она. – Теперь ты свободен.

А у Белосельцева – слепой ужас, немота, он кинулся обнимать колени жены, целовал, рыдая:

– Что же ты сделала, господи! Прости меня!

Теперь жена была отделена от него неодолимой преградой, за ее спиной горела багровая звезда, хрустели льды. Ее уводили в эту крошечную тьму, чтобы больше им никогда не увидеться.

– Милый, прощай! – донеслось до него. – Люблю тебя вечно.

Глава восьмая

Горюя, не сдерживая слез, Белосельцев брел куда глаза глядят. Встречные праведники уступали ему дорогу. Девочка, погибшая при пожаре в Кемерово, подошла и подарила ему тряпичную куклу. Две белых цапли следовали за ним в отдалении. А воробьи, они же ангелы, летели над ним, орошая его небесной росой. Но дело, ради которого Белосельцев явился в Царствие, звало его. Он должен был повидаться с Господом Богом, отправившим его на задание в земную жизнь и теперь призвавшим к отчету.

И Господь Бог не замедлил явиться. Это был человек со странным именем Маркиан Степанович, который одно время часто бывал в их доме, тайно влюбленный в маму. Он был русский интеллигент из числа чеховских или бунинских героев, увлекался живописью, был знаком с художниками «Мира искусства», писал акварели, принося их на показ маме, раскладывал на полу, и они с мамой подолгу их рассматривали, находя достоинства, скрытые от глаз Белосельцева. Теперь Маркиан Степанович возник перед Белосельцевым в беседке, в плетеном кресле, со своим сухим долгоносим лицом и бесцветными губами, которые постоянно жевали пустой янтарный мундштук, ибо мама запрещала ему курить в доме. Маркиан Степанович дружески, чуть насмешливо смотрел на Белосельцева, готовясь произнести какую-нибудь свою витиеватую шутку, но Белосельцев, угадав в нем Господа Бога, спросил:

– Господи, могу ли я рассказать тебе о Карабахе, где русский летчик-наемник бомбил армянские позиции в Степанакерте, а другой русский зенитчик сбил его самолет? Раненый пилот приземлился в расположении армян, те запихнули его в огромный баллон от КамАЗа и подожгли. Баллон дымил черной жирной сажей, пока не сгорел, не распался, и в нем чернела груда обгорелых костей. Рассказать ли об этом?

Маркиан Степанович покачал головой, давая понять, что рассказ не занимает его.

– Тогда расскажу, как в Приднестровье мы обшивали стальными плитами КамАЗ, устанавливали на нем пулеметы, и эти железные слоны двигались по улицам Бендер, поливая огнем наступавшие цепи румын. Один из КамАЗов попал под удар гранатомета, и казаку Майбороде оторвало ногу.

– Нет, – произнес Маркиан Степанович, – расскажи лучше о маме.

Что он мог рассказать о маме, если она была самой красотой, самой добротой, самым возвышенным благородством, воздухом, из которого он появился на свет. Как красивы были ее густые каштановые волосы, которые она расчесывала перед зеркалом костяным гребнем, и в зеркале горела короткая сочная радуга. Как чудесно пахли ее духи, и как красиво было ее праздничное голубое платье. Мама была тем хрупким побегом, дотянувшимся из прежней жизни в нынешнюю, в которой родился и рос Белосельцев. Секира, полоснувшая их многолюдный род, пощадила ее. Она подкладывала на стол Белосельцеву подшивку журнала «Весы» со стихами Бальмонта и статьями Флоренского. Она водила его в Большой театр слушать «Пиковую даму». Она возила его в Кусково, Останкино и Мураново, и он запомнил старую церковь, полную душистого сена, в которое он нырял, как в воду. Она учила его языкам. Однажды ночью, когда на стене в зеленом пятне уличного фонаря мотались тени деревьев, она рассказывала историю рода, погибшего на этапах, в тюрьмах, сгинувшего в эмиграции, и он узнал о беде, которая заставляла рыдать бабушкиных братьев во время их чаепитий.

Она овдовела в тридцать лет, когда отец добровольцем ушел на фронт и погиб под Сталинградом в штрафном батальоне. До старости, когда упоминали о погибшем отце, у нее начинали дрожать губы и глаза наполнялись слезами, и он боялся говорить об отце, боялся слез, текущих из ее прекрасных серых глаз. Архитектор, она шла вслед за войсками по сожженному Смоленску и проектировала бани и прачечные для оставшихся жителей. Она работала всю жизнь, возвращая сына, не отказывая ему ни в чем, и он помнил ее подарок, великолепный,

лазурного цвета велосипед, на котором он катил по влажному голубому асфальту среди редких машин и весенних деревьев.

К старости она ослабела и много лежала. Он незаметно всматривался в ее теплую кофту, боясь, что вдруг не заметит ее дыхания. Она сетовала, что он редко бывает с ней, скучала. Однажды, проходя мимо ее комнаты, он услышал ее неразборчивый бубнящий голос. Это она на память читала вступление к «Медному всаднику». Она чувствовала, что приближается ее конец, и занималась сборами, как собираются в путь. Аккуратно в папки сложила все свои рисунки, собрала все письма и фронтовые треугольники отца. Записала всю историю рода. Однажды он увидел, что она молча сидит на кушетке и лицо у нее торжественное.

– Мама, ты что? – спросил он.

Она ответила:

– А все-таки мы жили в великую эпоху.

Вскоре после этого она крестилась, и Белосельцев остро ощутил, что эпоха кончилась. Когда она умерла ночью и он держал ее остывающую руку, его поразило, что у него с мамой одинаковая форма ногтей, и он сжимал ее холодеющую руку.

Все это Белосельцев рассказал Маркиану Степановичу, а когда кончил, того уже не было. С того места, где тот сидел, медленно удалялась белая цапля, обходя розовые кусты иван-чая.

Белосельцева не удивляла многоликость Божества, которое обретало образ, облегчавший Белосельцеву общение с ним. Если Бог был в купине неопалимой, в падающем, как небесный изумруд, метеоре, с еще большей легкостью он мог предстать перед Белосельцевым в образе дорогих ему людей.

И таким дорогим человеком, что принял образ Божий, был генерал Альберт Михайлович Макашов. Он сидел за дощатым столом, на столе лежало перо кукушки, которая пролетела в безуспешных поисках родного гнезда. Макашов не убирал перо, словно раздумывал, как употребить этот дар небес. Он был в полевой форме, с зелеными генеральскими звездами, в своем черном знаменитом берете, в котором стоял на балконе Дома Советов, когда отдал приказ баррикадникам штурмовать Останкино. Белосельцев смотрел на его спокойное, с крепким носом и сжатыми губами лицо, в котором было знание о поджидавшей их всех судьбе.

– Господи, – произнес Белосельцев, – наконец-то я смогу рассказать Тебе то, что так тщательно берегал и таил. Когда первые пулеметы ударили по баррикаде и раненые женщины поползли к подъезду Дома Советов, чтобы укрыться от пуль, я уже знал о снайперах, которые разместились на крышах и стали выбивать то защитников Дома Советов, то десантников, скрытых под броней бэтээров. Это меняет представление о всей картине того кровавого дня. Тебе это важно знать?

Макашов чуть мотнул головой, давая понять, что сведения не заинтересовали его.

– Тогда знай, что бэтээры, притаившиеся у стен Останкино, заранее получили приказ стрелять по толпе, и я слышал, как пуля чмокнула в живое тело, а другая глухо ударила в дуб, что рос у останкинской башни. И тот бешеный бэтээр с обезумевшим водителем, что врезался в толпу, я кинул в него пластиковую бутылку с бензином, но промахнулся, и бензин горел на асфальте.

Макашов взял перо, окунул в чернила и на листе мелованной бумаги каллиграфическим почерком написал: «Повесть временных лет». Отложил перо и произнес:

– Расскажи лучше о жене, которая кинулась тебя спасать.

В то утро, когда к Дому Советов потянулся народ и стали строить баррикаду из старой арматуры, истлевших досок, поломанной мебели, Белосельцев тоже отправился к Дому Советов, и два его сына увязались за ним. Он видел, как они, похожие на муравьев, тащат к баррикаде какие-то палки, катят пустые железные бочки, и он испытывал удовлетворение и отцовскую гордость, видя своих сыновей в рядах восставших. Изредка, выходя из Дома Советов,

он видел сыновей среди баррикадников, которые играли на гитаре, танцевали, размахивали Андреевским флагом.

Когда формировался Добровольческий полк и в одной шеренге маршировали старики-ветераны, худосочные юнцы, бородатые старцы, он видел, как сыновья, сбиваясь с шага, маршируют и у них на боку висят противогазные сумки. Старший нес имперское черно-золотое знамя. Белосельцев увидел, как наперерез шеренге выбежала жена Вера с иконой в руках, загородила путь марширующим, истошно крича, стала выхватывать из рядов сыновей. А те сердились, отталкивали мать. Ушли вместе с утлой колонной, а жена, простоволосая, безумная, крестила иконой Дом Советов, баррикаду, угол здания, за которым скрылась шеренга.

Через несколько дней, когда грохотали танки и баррикада, разнесенная в щепки, была завалена трупами, жена, обезумев, бегала к месту побоища в поисках сыновей. Дома она стояла на коленях перед иконой и страстным слезным шепотом молилась, и когда под утро один за другим явились домой сыновья, измученные, закопченные, жена целовала их лица, их руки и упала перед иконой без чувств.

С тех пор в ней оборвался какой-то живой стебель, она часто плакала, ездила по монастырям. В ней исчезло то обожание, которое делало ее такой восторженной, светоносной. Такой, которую он так любил с благословенных карельских времен.

Она тяжело умирала. У нее отказывали легкие, она не могла дышать, заходилась странным удушьем. Говорила, что эти мучения даны ей за неотмолимый грех, когда она избавилась от ребенка. В краткие часы, когда ее отпускало удушье, она лежала в беседке среди берез и дремала, а Белосельцев смотрел на ее истощенное любимое лицо и просил Господа взять часть его жизни и передать ей. Чтобы она не уходила, чтобы оставалась лежать в беседке среди ровного шума берез.

Та последняя страшная ночь. Она то заходилась ужасным кашлем, то падала на подушки без сил. Он обнял ее за плечи, усадил на кровати, и она, уже почти лишившись голоса, прощаясь с ним, утешая его, чуть слышно сказала:

– Нам всем предстоит пройти этот путь.

Она легла и больше не поднималась. Протянула ему руки, он взял их в свои, и они прощались. И в этих прощальных пожатиях были все их снега, все серебряные метели, все ласки, все нежные слова и признания, и она передавала ему все это на сбережение, на вечную любовь.

Генерал Макашов выслушал его исповедь, пожал ему руку и пошел по колючим травам, которые осыпали его цепкими семенами.

Глава девятая

На опушке неуловимой желтизной и запахами сухой листвы притаилась осень. В белесой выцветшей траве неутомимо звенел кузнечик. Тут же стоял шалаш, крытый березовыми ветвями, сладостный дух которых пьянил. Среди этих ароматов, в тени шалаша, сидел старец. Он был с непокрытой головой, редкие мягкие волосы спускались до плеч. Лицо с кудрей бородкой было серебристого цвета, а глаза, влажные от непрсыхающих слез, казались то серыми, если над шалашом вставала туча, то синими, если над шалашом открывалась лазурь.

– Ты Господь Бог? – спросил Белосельцев.

– Нет.

– Кто ты?

– Я инок Зосима.

– Это ты написал, что там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное?

– Я написал, а ты прочитал, вот мы оба и в Царствии.

– А если в Царствии, почему сердце болит?

– Ты сердце отверзни, оно и примет Царствие. А если сердце закрыто, то и чуда не будет. Говорят: «Россия! Россия!» А России нет никакой, а есть чудо. Открой сердце, и чудо вступишь, а значит, вступишь Россию. А Россию вступишь, значит, и Царствие обретешь. Глаза не открывай, глаз обманет. Сердце открой. Больше тебе ничего не скажу. Ступай.

После этих неясных слов старец скрылся в глубине шалаша и больше не появлялся.

Белосельцев не взялся толковать иносказания старца, обратив на них не разум, а сердце.

Было тихо, и только в вянувшей траве заливался кузнечик.

Вечерело, но обитатели Царствия вовсе не готовились к ночлегу. Среди них царило возбуждение. Они во множестве шли по тропинкам, переходили ручьи, покидали берега далеких озер и все сходились к просторной поляне, окруженной высокими соснами. У каждого в руках была малая плошка, изготовленная из бересты, и в ней торчал клочок сухого мха.

– Что здесь готовится? – спросил Белосельцев у знаменитого летчика Чкалова, совершившего перелет через Северный полюс.

– Как, вы не знаете? Сегодня в Царствии праздник Благодатного света. Вот, возьмите, – и он протянул Белосельцеву плошку с клочком мха.

Праведников становилось все больше. Они занимали уже всю поляну, соседний бор, окрестные рощи, берег темневшей реки. Все молча стояли, держа перед собой плошки.

Птицы не ложились спать, а расселись на вершинах. Из леса вышли олени, косули и лоси и чутко вдыхали прохладный воздух. Два волка сердито рычали на овцу, которая пыталась с ними заигрывать. Наконец, стало совсем темно. Лица слабо белели, и лишь угадывалось, какое было их множество.

Внезапно на черной ночной реке возник отблеск. Усилился, и стал виден паром, которым управляли двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев. На пароме горел стог сена, жарко отражался в черной реке. Паром причалил к берегу. Панфиловцы в несколько рук схватили горящее сено, но не обжигались, а несли на берег. Огонь не жег, а только светил. Панфиловцы несли горящее сено, и все торопились коснуться стога своими плошками. Мох в плошках воспламенялся. Бесчисленные ручьи и реки благодатного света разбегались во все стороны. Становилось светло, как в полдневный час. Дивно сверкали озера.

Цветы, голубые, белые, алые, горели на холмах. На вершинах сидели волшебные птицы, и их оперение было похоже на цветное стекло. Рыбы выскакивали из воды и казались серебряными зеркалами. Кругом было несчетное множество озаренных счастливых лиц. Праведники целовали друг друга, славили Благодатный свет песнопениями. Огромный пылающий стог сена сиял в небе, как золотой слиток, озаряя все дали.

Белосельцев испытал небывалое счастье, несказанную любовь. Это счастье и эта неземная любовь делали Царствие наградой за земные лишения. Он благословлял этот золотой шар света, пылающий в самом центре небесной обители.

Белосельцев стоял среди праведников, держа берестяную плошку, в которой, как малая звезда, сиял Благодатный свет.

Рядом с ним стояли поэты, держа в руках лучезарные светочи, и читали стихи. Каждый читал свой стих, не слушая другого, так что их голоса напомнили пчелиный гул в полном меда улье. Пушкин читал: «Буря мглою небо кроет». Баратынский декламировал: «Меж люлькой и гробом спит Москва». Из уст Языкова звучало: «Когда еще я не пил слез из чаши бытия». Лермонтов воздевал глаза к пылающему в выси светочу: «По небу полуночи ангел летел». Тютчев восклицал: «Природа сфинкс, и тем она сильнее своей загадкой мучит человека». Анненский вещал, как пел: «Среди миров в сиянии светил». Блок печально возглашал: «Утреет, с Богом, по домам. Позвякивают колокольцы». Голос Гумилева звучал пророчески: «Только змеи сбрасывают кожу, мы меняем души, не тела». Анна Ахматова не сдерживала слез: «Муж в могиле, сын в тюрьме. Помолитесь обо мне». У Есенина на лице была печальная улыбка: «Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать». Хлебников воспевал Россию: «Русь, ты вся поцелуй на морозе! Синеют ночные дорожи».

Белосельцев слушал гул их голосов, похожих на шум деревьев. Каждый отдельный стих был почти неразличим. Но если вслушаться, то все их песнопения складывались в молитву: «Отче наш, сущий на небесах». И все они на свой лад пели псалом и славили Господа.

Внезапно в глубине шара обозначилось лицо, огненные очи, грозные брови, сжатые сурово уста. Это был Пантократор, который когда-то так поразил Белосельцева в Киевской Софии. Пантократор из неба громоподобно пророкотал, и вослед небесному грому промчались две огненные боевые колесницы. Илья Пророк и Енох стояли на колесницах, натянув поводья, и в поводьях бились две молнии, две серебряные змеи.

– Ты явился ко мне без зова, – обратился Пантократор к Белосельцеву. – Ты не прожил свою земную жизнь до конца. Ты не исполнил мое задание и не выполнил долг разведчика. Возвращайся на землю, проживи свои земные дни до конца, до последней минуты, а потом предстань предо мной, и я решу, достоин ли ты Царствия Небесного.

Лицо Пантократора скрылось, превратилось в пылающий стог сена.

Глава десятая

Белосельцев сидел в кузове КамАЗа, упираясь грязной бутсой в железную бочку с соляровкой. Край драного брезента шлепал по голове. Пыль залетала в кузов, пахло пролитой соляровкой, кислым железом и выхлопной трубой впереди идущего КамАЗа. В колонне, которая тряслась по грунтовой дороге, шли шесть тяжелых машин, наполненных людьми. Впереди, оторвавшись от колонны, пылили четыре тойоты с крупнокалиберными пулеметами, приваренными к раме. Две тойоты замыкали колонну, и было видно, как пулеметчики, замотав рты и носы платками, стоят в рост, ухватившись за стальные рамы.

Белосельцев устал от тряски, виски ломило, но он терпел, глядя на коричневые бугры сирийской пустыни, в которую погружалась колонна. Люди, окружавшие Белосельцева, были кто в камуфляже, кто в запыленных тужурках, и их вооружение состояло из потрепанных, повывавших виды автоматов, ручных пулеметов и гранатометов старого образца, с торчащими из стволов заостренными зарядами. Все они были бойцами частных военных формирований, собранных из добровольцев, отслуживших срочную в российской армии, или из ополченцев Донбасса, переместившихся с одной войны на другую. На ту, где платили деньги, но не упоминали убитых в сводках потерь, и далеко не о каждом убитом узнавали в русских городках и украинских селах.

Колонна двигалась в район, находившийся под контролем курдов. Ей надлежало захватить небольшой нефтеперегонный завод, дожидаться подхода сирийской части и передать завод под ее контроль.

Белосельцев входил в группу как частный эксперт, используя посещение курдских районов для написания аналитической справки. Не в интересах армии, не в интересах спецслужб. К его услугам давно не прибегали, и он сотрудничал с малоизвестным Институтом ближневосточных проблем, где ценили его дар неожиданных обобщений.

Рядом с Белосельцевым на грязном тюфяке устроился ополченец из Луганска Говоруха. Из-под его вязаной шапочки торчал чуб, на круглом лице золотилась щетина. Он ерзал, посмеивался, ему хотелось говорить, действовать. Монотонная езда утомляла его. В исцарапанных руках поблескивали четки из оникса. Он перебирал полупрозрачные зерна, ловко обходясь без двух пальцев, которые потерял под Дебальцево.

– А мне все равно, какому Богу молиться. Лишь бы помогал. Я в мечеть зайду и ихнему Богу молюсь, и он помогает. Еще ни разу не зацепило, а наш Бог не уберег, два пальца ему подарил, – Говоруха весело показал обрубки пальцев, которыми ловко перебирал медовые камни четок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.